

5.

Рецензии

Ольга Алиева

В начале был Фалес?

Рецензия на книгу: Maria Michela Sassi. *The Beginnings of Philosophy in Greece*. Princeton: Princeton University Press, 2018

OLGA ALIEVA

IN THE BEGINNING WAS THALES? BOOK REVIEW:

Maria Michela Sassi. *The Beginnings of Philosophy in Greece*. Princeton: Princeton University Press, 2018

ABSTRACT. The question of the “beginnings” of philosophy in Greece is inseparable from that of the nature of philosophy itself and its relation to wisdom, science, and even religion. When it comes to the so-called “Presocratics”, a clear demarcation of these notions is not possible. M.M. Sassi depicts the multidimensional process of knowledge differentiation, doing justice to its complexity and non-linear character. However, the reviewer believes that this task is somewhat hindered by the author’s reliance on Aristotle’s doxography. For instance, although the reviewer agrees with Sassi’s construal of *Metaph. A.3, 984a1–3*, it is argued that this passage is not a sufficient ground for naming Thales “the father of philosophy” alongside Aristotle. Of course, whether we do so or not depends on whether we decide to apply the anachronistic term “philosophy” to the early Greek thinkers, which many scholars now believe we are justified in doing. It is argued, however, that such a move inevitably leads to an aprioristic definition of philosophy in terms of either “rationalism” or “naturalism” (or both). Within such a perspective, other aspects of the early Greek thought, even if expertly and benevolently presented by Sassi in connection with Parmenides and Empedocles, turn out to be philosophically irrelevant.

KEYWORDS: Presocratics, Early Greek philosophy, historiography of philosophy, Thales, “from myth to logos”.

© О.В. Алиева (Москва). oalieva@hse.ru. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Платоновские исследования / Platonic Investigations 12.1 (2020)

DOI: 10.25985/PI.12.1.14

Книга итальянской исследовательницы Марии Микелы Сасси (Пизанский университет) представляет собой перевод с итальянского издания 2009 г. От итальянского оригинала ее отличает обновленное вступление и несколько добавлений в сносках с учетом вышедшей за последние годы литературы.

Как видно по названию книги, автор выделяет несколько «начал» философии. Сасси предлагает отказаться от линейных схем вроде «от мифа к логосу» и вслед за Вернаном отмечает «многообразие рациональностей» в ранней греческой мысли (с. 170, 177). «Досократики» (этот термин принимается в книге с оговорками) предстают перед нами как пророки (Гераклит), рапсоды (Ксенофан), чудотворцы (Пифагор и Эмпедокл), натурфилософы (Анаксимандр).

Подчеркивая связь мыслителей VI–V вв. с предшествующей традицией, в том числе восточной (через Гесиода), Сасси избегает говорить о философии как уникальном «греческом чуде» (с. xv). С другой стороны, она признает, что «изучение философского содержания мифа подрывает самые основания парадигмы, согласно которой Греция является родиной философской мысли» (с. 8). Это не значит, что миф лишен спекулятивного содержания или способности организовывать опыт, но признания этого факта недостаточно для понимания процессов, происходивших в Греции (с. 19).

Стремясь найти средний путь между двумя крайностями, итальянская исследовательница ищет поддержки у Аристотеля. Политика «ревизионизма» по отношению к «фальсификациям» Аристотеля и его последователей привела к тому, что употребление термина «философия» применительно к мыслителям VI–V вв. стало считаться анахронизмом (с. xiv). Однако, по мнению автора, отсутствие термина для обозначения определенной деятельности не мешает признать, что какие-то аспекты этой деятельности уже присутствуют в творчестве ранних мыслителей.

Именно в свете этой установки она рассматривает Фалеса

в первой главе («Фалес, отец философии»). В рамках «антропологических» подходов к истории ранней греческой философии, представленных в работах Фрэнсиса Корнфорда и Вальтера Буркерт, ионийские мыслители ставятся в зависимость от предшествующей «мифической» традиции, а их творчество рассматривается как своего рода «богословие природы» (с. 8–19, 39). Сасси, напротив, подчеркивает принципиальный разрыв с поэтической традицией у Фалеса. Продолжая линию критики Корнфорда, отмеченную еще Вернаном, она опирается на Аристотеля.

Речь идет о *Metaph.* А.3, 984a1–3: εἰ μὲν οὖν ἀρχαία τις αὐτῆ καὶ παλαιὰ τετύχηκεν οὕσα περὶ τῆς φύσεως ἢ δόξα, τάχ' ἂν ἄδηλον εἴη, Θαλῆς μὲντοι λέγεται οὕτως ἀποφήνασθαι περὶ τῆς πρώτης αἰτίας. В русском переводе А.В. Кубицкого это место звучит так: «Но действительно ли это мнение о природе исконное и древнее, это, может быть, и недостоверно, но во всяком случае о Фалесе говорят, что он именно так высказался о первой причине». В этом случае περὶ τῆς φύσεως оказывается определением к δόξα, а ἀρχαία καὶ παλαιὰ понимаются как предикативы: Аристотель сомневается в древности взгляда на Океан и Тефию как на «творцов возникновения».

Сасси понимает иначе: «Yet it is unclear whether what seems to be an ancient and venerable opinion was actually (formulated) about nature; what is certain is that Thales is said to have expressed himself precisely in this way about the first cause». При таком прочтении (περὶ τῆς φύσεως входит в состав сказуемого) Аристотель сомневается насчет того, действительно ли древние мифы можно считать рассуждениями о природе, в то время как в случае с Фалесом таких сомнений нет. В этом и будет заключаться принципиальный разрыв: Фалес прямо формулирует свои выводы о природе, не прибегая к божественным именам. Именно поэтому, считает Сасси, сообщение Аристотеля об «отцовстве» Фалеса заслуживает доверия.

Вторая глава («Философия в космогониях») посвящена довольно широкому кругу авторов: Гесиоду, Анаксимандру, Фереки-

ду, трактатам Гиппократовского корпуса, а также так называемой «космогонии Алкмана». Подчеркивается новаторство каждого из этих авторов относительно предшествующей традиции. В частности, тот факт, что Анаксимандр предпочитает натуралистические объяснения мифическим, отражает более широкий процесс «секуляризации» греческой жизни, заметный, например, в элегиях Солона и в медицинской литературе того времени (с. 42). Здесь она вновь прибегает (с. 49) к терминологии Аристотеля (*Metaph* N.4, 1091a33–b8), который предложил различать «теологов» и «физиологов» (натурфилософов). У первых, по словам Аристотеля, «царствуют и управляют не первые боги», а вторые полагают «первое породившее наилучшим» (то есть первый принцип оказывается также источником порядка, который поэтому рассматривается как неизменный).

Заметим, однако, что уже Аристотель признает, что Ферекид плохо вписывается в эту схему (такое же пограничное положение вынуждена отвести ему итальянская исследовательница). Можно усомниться в том, что использование аристотелевской дихотомии способствует отказу от «эволюционных» схем, о необходимости которого Сасси говорит в самом начале (с. 2). В общем и целом, первые две главы развивают и уточняют концепцию Вернана, согласно которой в ранней греческой мысли произошел своего рода «позитивистский» поворот (сам Вернан, в свою очередь, опирался в этом отношении на Джона Бернета).

Третья глава связывает интеллектуальное развитие греков с новой технологией, письменностью. В отличие от Гуди и Уотта, которые подчеркивали когнитивные «последствия» письменности, Сасси говорит не столько о письменности как таковой, сколько о прозе (с. 82). Но это опять-таки предполагает эволюционную перспективу: «Долгий путь, в конце которого проза становится стандартной формой изложения для философского текста, подлинно завершается лишь во второй половине пятого века, в Афинах, в сочинениях Анаксагора, Диогена из Аполлонии и Демокрита... Этот путь был достаточно ухабистым (bumpy)»

(с. 83). Роль «ухабов» на этом пути молчаливо отводится Пармениду и Эмпедоклу.

Четвертая глава («Приключения души») открывается странной цитатой из Поппера («Назад к досократикам», 1958 г.). Говоря о досократиках, Поппер высказал точку зрения, что их космологические теории предполагают определенную теорию познания. Эту теорию познания он противопоставлял «бэкониянскому мифу» о том, что всякая наука начинается с наблюдений. Напротив, у досократиков, которые стали родоначальниками нашей науки, мы видим не накопление наблюдений, а выдвижение и последующее опровержение смелых теорий.

Сасси выражает принципиальное согласие с тезисом, что изучение природы сопровождалось у ранних философов с интересом к субъекту этого познания, душе (с. 111). Но при этом она смещает фокус с ионийцев на Пифагора, Эмпедокла и других «чудотворцев» древности, у которых интерес к душе изначально был завязан на эсхатологию и сотериологию. Влияние этой проблематики ощутимо еще у Платона; лишь Аристотель, наконец, смог избавиться от религиозной перспективы в этом вопросе (с. 138).

Таким образом, и в четвертой главе проблема души как жизненного принципа и субъекта познания подается вполне традиционно — как постепенное освобождение от «эсхатологии» на пути к более «секулярному» взгляду на душу. Это, во-первых, плохо согласуется с приведенным мнением Поппера, который усматривал «теорию познания» именно в космологических построениях «досократиков» (так что начало главы повисает в воздухе без очевидной связи с последующим). Во-вторых, поиск априорно определенной «философии» в учениях «досократиков» в очередной раз приводит к характеристике «мистицизма» Эмпедокла как препятствия к развитию полноценной психологии (с. 136).

Пятая глава («Голоса авторитета») посвящена главным образом Пармениду и Эмпедоклу, а именно их особому типу самопрезентации (чудотворцы) и изложения (гексаметры). В отличие от Марсея Детьена, который говорил о «секуляризации» истины у

Парменида, Сасси подчеркивает, что «аргументы Парменида разворачиваются именно в рамках религиозного понятия истины» (с. 170, ср. с. 153). Разумеется, если под философией понимается сознательное «ограничение роли божественного в природе» (ср. с. 26 применительно к Фалесу), то Парменид оказывается пограничной фигурой. В своем «поиске религиозной истины» и в свете «личного опыта откровения» он нашел место для «рациональных модальностей» (с. 159), но не более того.

Подводя итог, можно сказать, что основной недостаток работы связан с противоречием между методологией (опора на аристотелевские схемы) и заявленными целями (отказ от эволюционизма и демонстрация многообразия «рациональностей» в древней Греции). Такой демонстрации способствовало бы последовательное различие между мудрецами, учеными и философами, но вместо этого «философия» используется в качестве родового понятия с априорно установленным содержанием (критическое отношение к богам, интерес к природе, прозаическая форма изложения).

К достоинствам книги следует отнести основательную библиографию, а также тот факт, что автор внимателен к различным исследовательским парадигмам, в рамках которых складывалось то или иное прочтение «досократиков»; таково, например, отступление про интеллектуальную среду, в которой сформировался Корнфорд (с. 8–9). С другой стороны, эти отступления запутывают и без того неоправданно многословное изложение. Рыхлая структура книги не облегчает задачу читателя: главы раздроблены на множество разделов, связь между которыми не вполне очевидна, особенно потому, что автор не формулирует прямо свои выводы. В книге нет и общего заключения.

В силу этого исследование нельзя рекомендовать неспециалистам для знакомства с темой, а специалистам оно может быть интересно скорее ради восполнения отдельных пробелов.